

T. V. Станюкович

Восточнославянское население Иссык-Кульской области Киргизии (по материалам экспедиции 1957 г.)

Одним из направлений славистской этнографии, получившим значительное развитие в последнее пятидесятилетие, является изучение культуры и быта локальных групп восточнославянского населения, обитающего как в европейской, так и в азиатской части Союза.

Группы эти весьма различны по этническому составу, численности, времени переселения, а также по окружению, в котором они обитают. Некоторые из них формировались в контакте с народами, близкими по языку и культуре (например, русское население Кубани, Украины, Белоруссии); другие — среди народов, чуждых по языку, но близких по хозяйственно-трудовой деятельности, а следовательно, и по культуре (например, восточнославянское население Поволжья, Прибалтики, Карелии), и, наконец, третий — в среде народов с совершенно иной структурой хозяйства и культуры в целом (например, среди народов Сибири, Средней Азии, Казахстана).

Далеко не все группы населения изучены. Наиболее благополучно в этом отношении обстоит с описанием локальных групп русского населения европейской части Союза и Сибири. Имеется значительное число работ, освещающих историю формирования отдельных локальных групп и заселения ряда областей, а также характеризующих хозяйство, быт и другие стороны материальной и духовной культуры, главным образом русского народа. Что касается других регионов (например, Кавказа, Средней Азии и Казахстана), то восточнославянское население еще полностью не выявлено и не описано.

Переселению русских, украинских и белорусских крестьян во второй половине прошлого—начале нынешнего века в два последних региона посвящено значительное количество работ исторического, экономического и агрономического профиля. Этнографическая же литература о большинстве групп, обитающих там, почти отсутствует. Счастливым исключением являются два сборника, всесторонне характеризующие бухтарминскую и семипалатинскую группы славянского населения Восточного Казахстана, ряд статей общего характера, а также посвященных отдельным аспектам культуры, в частности поселениям, жилищу и декоративному искусству некоторых групп переселенцев.²

Среди материалов, опубликованных в дореволюционную эпоху, наибольший интерес для этнографии представляют данные о заселении различных областей Туркестана, в том числе и Киргизии. Опубликованные экономистами и агрономами сведения обследований новоселов содержат фактические

© Т. В. Станюкович, 1992

данные, позволяющие воссоздать картину хода переселения, становления и развития переселенческого хозяйства.³

Как показывает изучение источников, переселение в Киргизию началось в 1868 г., причем основная масса переселенцев восточнославянского происхождения в Прииссыккулье водворилась в 90-е гг. XIX в. Известны и места выхода, зафиксированные в длиннейших, датированных разными годами списках, включавших почти все без исключения губернии России, ряд областей Сибири и даже самого Туркестана.⁴ Процентное же соотношение между выходящими из тех или иных губерний и места, где они получили наделы, не указывались. Поэтому откуда пришла основная масса предков восточнославянского населения в Прииссыккулье, какова культура и быт этого населения, могло выяснить только полевое обследование, которое и было предпринято в 1957 г. экспедицией ЛО ИЭ.

За истекшее тридцатилетие не появилось ни одной работы, посвященной восточнославянскому населению Киргизии. Данная статья, написанная на основании полевых дневников автора и одновременно выполненных в экспедиции иллюстративных материалов,⁵ ставит целью ввести в научный обиход данные о прииссыккульской группе восточнославянского населения, зафиксированные в конце 1950-х гг.

Обследование производилось в прибрежной зоне Иссык-Куля и охватило следующие населенные пункты: с. Ананьево Ананьевского р-на, села Ойталь и Николаевка Тюпского р-на, с. Тюп (райцентр), села Бурмасу и Эрдык Пржевальского р-на, г. Пржевальск и его пригороды, села-райцентры Ново-Вознесеновка, Теплоключенка и Покровка.

Произведенный экспедицией опрос об этническом и локальном происхождении предков нынешнего восточнославянского населения перечисленных сел оказался малорезультативным. Основная масса молодежи и жителей среднего возраста называли себя «тутошними, киргизскими» русскими; лишь отдельные семьи сохранили воспоминания, что их «деды» были выходцами из Курской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Самарской и Астраханской губ. Некоторая часть населения с. Теплоключенка причисляла себя (без указания места выхода) к украинцам.

Более точный ответ о происхождении иссык-кульской группы восточнославянского населения могло дать лишь изучение его культуры. Не вдаваясь в детальный анализ хозяйства, по материалам которого трудно выявить этнические и локальные особенности населения, отметим лишь преемственную специализацию изучаемого населения в области полеводства. Обитание в Киргизии среди населения, занимающегося исключительно животноводством, не оказалось большого влияния на профиль хозяйства переселенцев: скотоводство продолжало играть подсобную роль в их хозяйстве, основу которого составляло богарное земледелие, в котором преобладали зерновые культуры. В дореволюционное время для ухода за скотом в период выпаса нанимались пастухи. Принцип их найма был различен: оплата производилась селом, улицей, индивидуально (в зависимости от численности животных), натурой или деньгами — все это дела не меняло. Пастухами, как правило, были киргизы, в то время как на полевые работы нанимались украинцы или русские.

Эта исторически сложившаяся специализация в полной мере сказывалась в 1950-е гг., а возможно, существует и в наши дни. Большая часть колхозов Иссык-Кульской обл. вела комплексное многоотраслевое хозяйство, в котором имелись растениеводческий и животноводческий сектора.

Колхоз им. Буденного в с. Покровка, как и большинство других колхозов области, был неоднороден по национальному составу. В него вхо-

дило 498 дворов колхозников-переселенцев и 161 двор колхозников-киргиз. Общий доход колхоза, по данным 1956 г., — 6.5 млн., 2.5 из которых давало животноводство. На фермах колхоза, где разводили чистопородных лошадей, тонкорунных и грубошерстных овец, а также крупный рогатый скот, работали только киргизы. Исключение составляла заведующая молочно-товарной фермой № 1, многократная участница сельскохозяйственной выставки Е. П. Лаврова. Уроженка Ленинграда, она поселилась здесь лишь в 1942 г. Местные же русские обслуживали растениеводческое хозяйство колхоза, состав культур которого за годы советской власти сильно изменился.

Если в дореволюционный период здесь господствовали зерновые культуры и небольшой (7—8 %), но постоянный процент составляли волокнистые культуры (лен, конопля), то в 1950-е гг. в колхозном хозяйстве вводится более разнообразный севооборот, в котором значительный процент составляли многолетние травы, кормовые корнеплоды и лекарственные растения, в частности опийный мак — ценная, но очень трудоемкая культура. По сбору опия, требующему большой аккуратности и терпения, работали, как правило, русские девушки и женщины. Они же, как и украинки, составляли и основную массу садоводов. Начиная с середины 30-х гг. в большей части колхозов области были заложены сады, культивирующие знаменитый пржевальский апорт и другие сорта яблок, вишни и сливы. Мужчины-переселенцы по преимуществу занимались полеводством, огородничеством, рыбным промыслом и пчеловодством.

Села восточнославянского населения Киргизии видны издалека и представляются огромным садом. В самом деле, если обсадка шоссейных дорог аллеями тополей, буков и вязов, если украшение улиц газонами, клумбами, живой изгородью из подстриженных кустарников, встречающихся в ряде колхозов-миллионеров (например, в селах Покровка, Теплоключенка и др.), — достижение главным образом советского времени, то озеленение сел древесными насаждениями насчитывает за собой уже срок, близкий к столетию. Обочины улиц сел обрамлены вековыми тополями, а за хозяйственными дворами везде имеются обширные плодовые сады. Заселялись села первонациально, очевидно, по земляческому принципу. Опросные данные подтверждают это. Старожилы помнят и старые названия частей сел и их улиц: в с. Ананьево один из «концов» носил название «Куршина», а другой — «Воронеж»; в с. Тюп имелись Астраханская и Пензенская улицы, а главная улица с. Ойтала называлась Тамбовской. Интересно, что традиция нарекания улиц соответственно губернской и национальной принадлежности населения сохранилась к моменту исследования. Так, например, в с. Ойтала одна из новых улиц, официально носившая имя Сталина, в обиходе была общеизвестна как «Казахстан», так как была заселена в 30-е гг. выходцами из Казахстана. В 50-е гг., когда укрупняли колхозы, образовалось особенно много сел со смешанным в этническом отношении населением. Большая часть народов (будь то киргизы, калмыки, дунгане, казахи или русские) при расселении на новом месте стремилась сохранить соседские и национальные связи, в результате чего во многих селах появились кварталы, заселенные преимущественно лицами одной национальности.

По своей планировке селения относятся к линейно-квартальному типу. Дома, как правило, ставились поперек усадьбы, вдоль улицы — постановка, характерная для южнорусских (рис. 1). В послевоенные годы, правда, традиция эта начинает исчезать и большая часть новых построек ставится вдоль усадьбы, торцом к улице.

Дома бытуют как двухкамерные (сени+изба), так и трехкамерные (сени+изба+горница), причем последний тип генетически несомненно представляет

Рис. 1. Вид улицы с. Николаевка Тюпского р-на (МАЭ, И-1757-257).

собой дальнейшее развитие жилища двухкамерного типа. В одних случаях третье помещение выделяется путем перегораживания отапливаемого помещения на «перед» или «прихожую избу» (с печью) и горницу. В других — путем пристройки дополнительных сеней. В последнем случае в бывшие сени переносится печь и они превращаются в избу, а изба — в горницу. Жилище с подобным планом встречается на юге России вне зоны срубных построек и, в частности, бытовало в начале нынешнего века в Воронежской губ. под названием «Из хаты в хату».⁶ Встречается оно также в степной части Украины и у украинцев-переселенцев Семипалатинской губ.⁷ Совпадая по плану с жилищем русского населения Киргизии, оно, однако, отличается от него способом связи с дворовыми постройками: во дворах украинцев-переселенцев Семипалатинской обл. хлева и конюшни строятся непосредственно рядом с домом и даже соединены с внутренним входом; у русских жилище всегда изолируется от хлевов и конюшень, которые чаще всего возводятся в дальнем конце усадьбы (рис. 2). Последняя особенность планировки характерна для русского населения Поволжья, заимствовавшего ее в свою очередь, как указывает Е. П. Бусыгин, от чувашей.⁸

Внутренняя планировка жилища русского населения Иссык-Кульской области не однородна: наряду с широким распространением западного и восточного вариантов южнорусского плана, характерных для жилища Калужской, Курской, Воронежской и Пензенской губ., бытует план северорусского и украинского типов. Более стационарным в этом отношении оказался план летних кухонь, где безраздельно господствует восточный вариант южнорусского типа, представленный в классическом виде в Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Тульской и Рязанской обл.⁹

Как известно, кухни и бани (рис. 3, 1) наиболее прочно сохраняют традиционный план и интерьер, и наличие в них южнорусской планировки также говорит за преобладание южнорусских элементов культуры в жилище русского населения Киргизии.

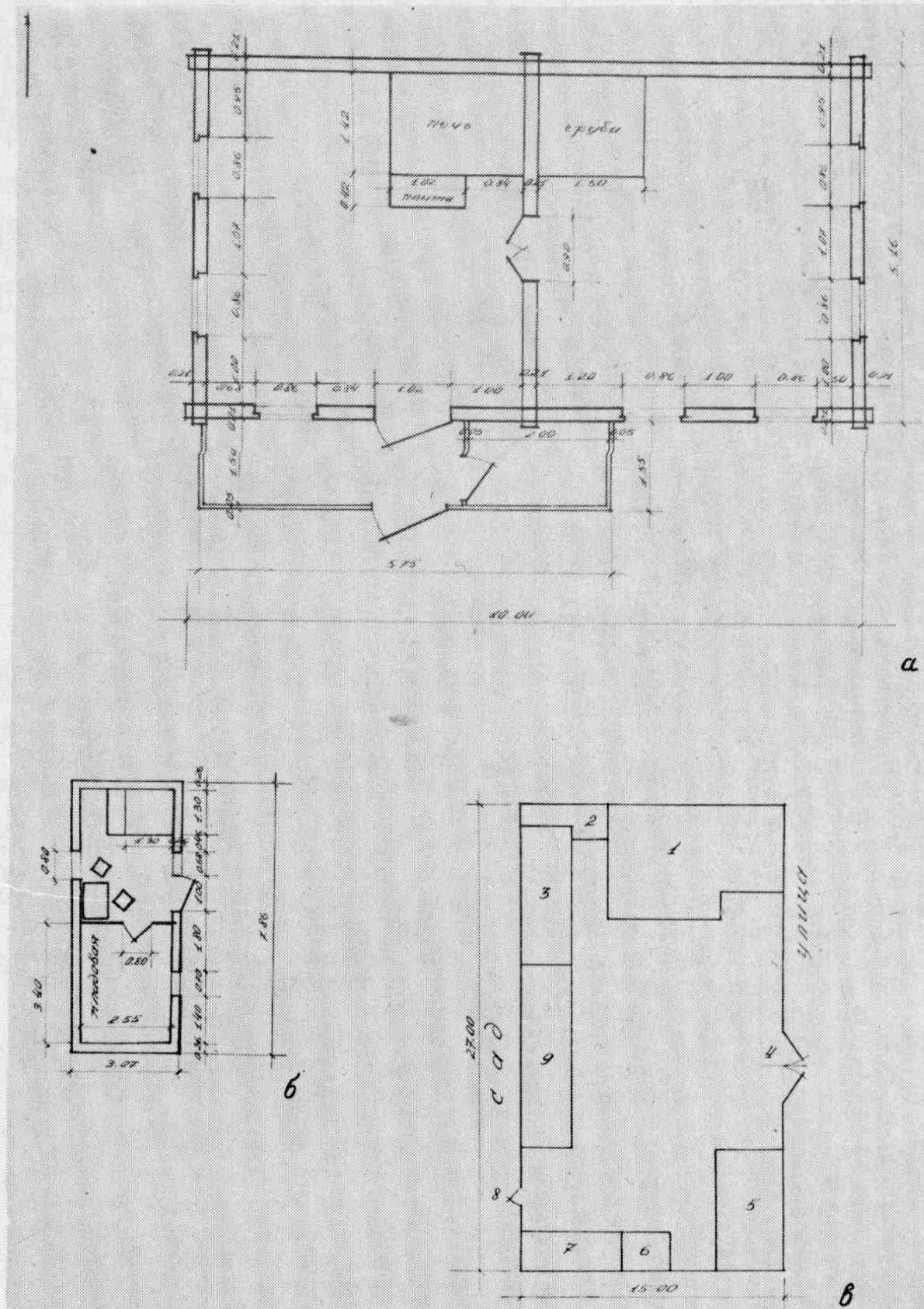
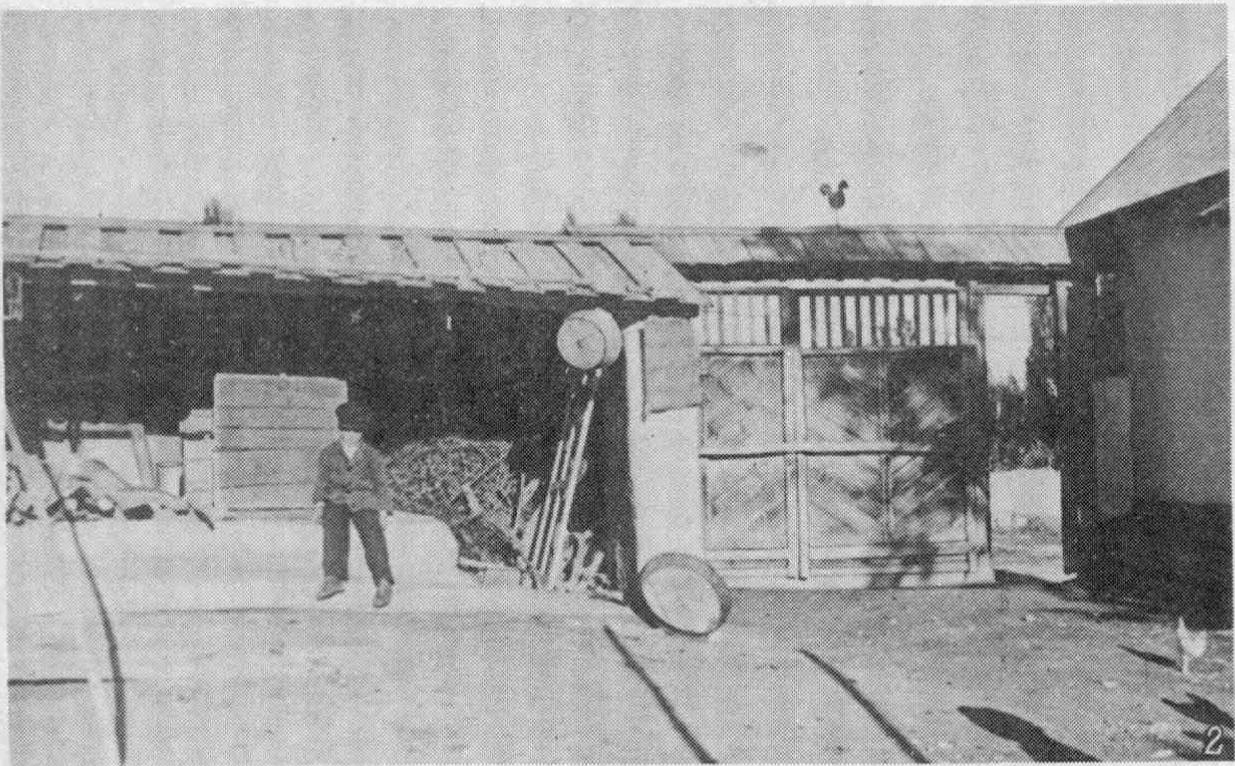

Рис. 2. План дома и усадьбы. С. Ананьево Ананьевского р-на (МАЭ, И-2142-12).

а — план дома (м 1 : 50); б — план кухни (м 1 : 100); в — план усадьбы (м 1 : 200). Условные обозначения: 1 — дом, 2 — погреб, 3 — кухня, 4 — ворота, 5 — хлев, 6 — кизяк, 7 — баня, 8 — калитки, 9 — сараи.

1

2

Рис. 3. Баня (1) и погреб (2) на усадьбе.
1 — МАЭ, И-1757-74; 2 — МАЭ, И-1757-73. С. Ананьево Ананьевского р-на.

По технике постройки жилище русского населения Киргизии представляет собой сруб, рубленный в угол из горбылей или пластин, оштукатуренный с внутренней и внешней стороны. Встречаются, правда, здесь кирпичные и глино-битные постройки из самана, но они составляют крайне незначительный процент, так как землетрясение 1910 г., от которого очень сильно пострадали поселки Иссык-Кульской обл., показало, что они менее устойчивы в сейсмическом отношении. Глинобитные дома делаются с толстыми, утончающимися сверху стенами (с 64 до 40 см). Перекрытие чаще всего двухскатное — остроугольное, если кроющим материалом является тес или камыш, и очень уплощенное, если кровля заливается глиной. В ряде селений, как например в г. Рыбачьем, подверженном сильным ветрам, они очень слабо профилированы.

Фронтоны домов, как правило, ошалевывают и часто украшаются ажурной накладной резьбой из толстой доски. Аналогичные мотивы помещаются на кокошниках наличников. Излюбленные элементы их: ромбы, звезды, пальметки, веерообразные и сердечковые фигуры. Ошалевка и резьба обычно не окрашиваются. Однако на нескольких домах нами была зафиксирована примитивная растительная роспись желтого цвета на голубом фоне, аналогичная татарской росписи Среднего Поволжья.

Близок к южнорусскому типу и двор, представляющий собой правильный четырехугольник, застроенный по периметру хозяйственными постройками, причем сарай, погреб, кухня, баня, летняя кухня непосредственно примыкают друг к другу. По классификации Е. Э. Бломквист, этот тип двора в сочетании с домом, поставленным вдоль улицы, широко распространен во всех южнорусских губерниях и относится к южнорусскому типу.¹⁰

Из надворных построек, возводимых главным образом из самана и леса, а иногда из плетня, обмазанного глиной, обращает на себя внимание конструкция погреба необычного для русских селений других районов Средней Азии типа (рис. 3, 2). Над ямой глубиной в 2.5—3 м, обложенной саманным кирпичом и оштукатуренной глиной, возводится надземное продолжение ее высотою около метра, которое также тщательно оштукатуривается с обеих сторон и перекрывается тесом, обмазанным глиной. Вход в такой погреб по лесенке через западню, место его — под навесом. Погреба подобной конструкции не описаны в литературе, но, по устному сообщению Л. М. Сабуровой, широко распространены у русского и мордовского населения Пензенской губ., где используются для хранения картофеля.

Ограды, окружающие усадьбы, чрезвычайно разнообразны. Чаще всего они делаются из глины или сырцового кирпича. В верхний край их (для отпугивания скотины) вмазываются ветви облепихи, дерганака или других колючих растений. Ворота и калитки, в зависимости от зажиточности, сбиваются из жердей (также переплетенных колючими ветвями) или досок, представляющих здесь большую ценность. Декоративное оформление полотнищ ворот разнообразно. Они набираются «в елочку», «в кружки» (концентрические квадраты или ромбы), украшаются накладной пропильной резьбой (рис. 3, 2; 4). Навершия ворот часто имеют полукруглую форму, а опорные столбы их иногда увенчиваются шарами — декоративный элемент, типичный для русского и татарского населения Поволжья.

Жилой дом к моменту исследования чаще всего имел холодные сени, которые делились на две части: входную и кладовку, совмещавшую в себе функции собственно кладовой и амбара. В ней нередко устанавливались лари и бочки для хранения зерна, муки и других, главным образом сыпучих, продуктов. Свежие и квашеные овощи (по местной терминологии *солонинка*) хранились в погребе. Основное жилое помещение — прихожая

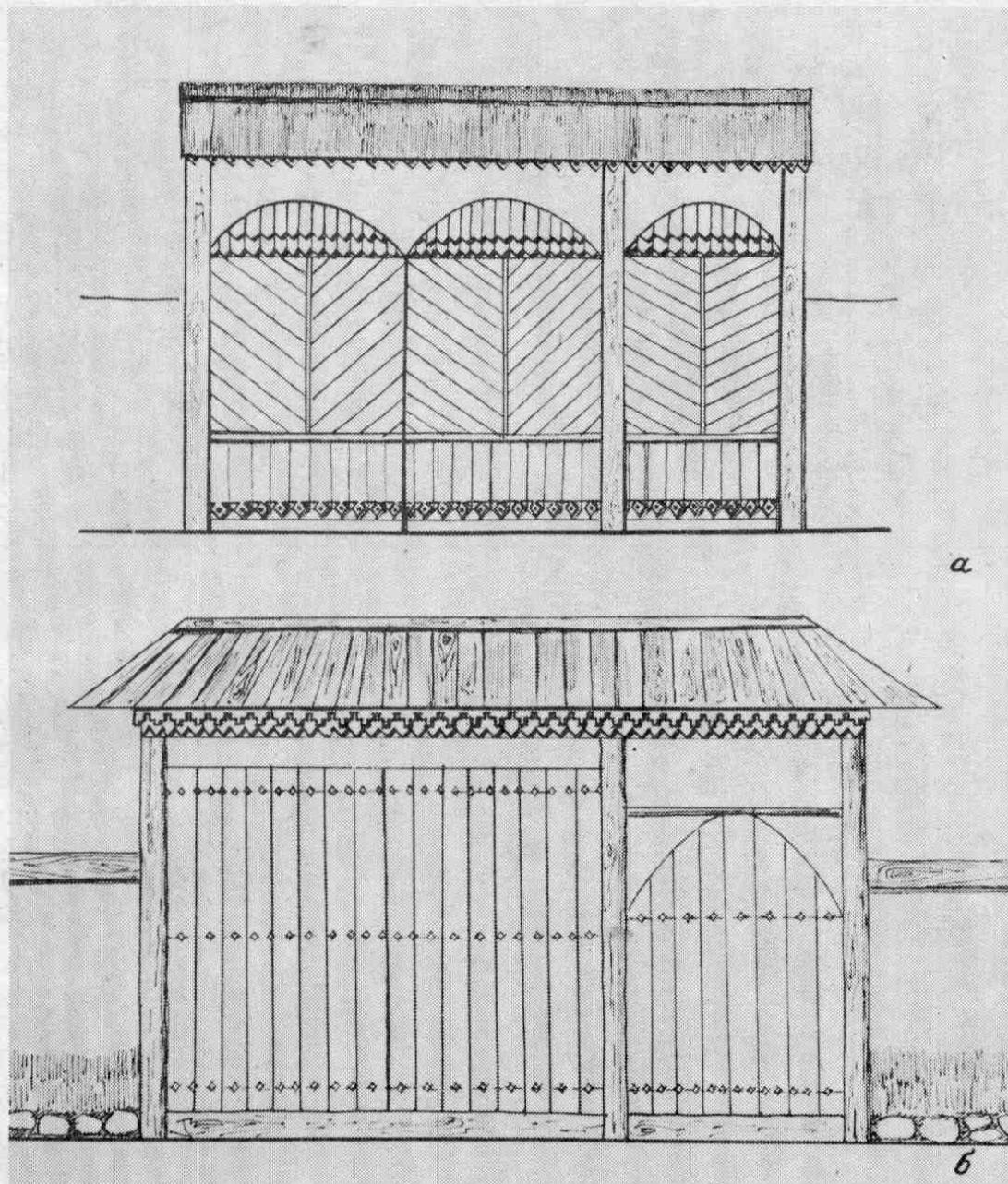

Рис. 4. Виды ворот. Покровский р-н.
а — МАЭ, И-2142-61. С. Покровка; б — МАЭ, И-2142-62. С. Теплоключенка.

или *прихожка*. Здесь протекала вся будничная жизнь семьи: приготавлялась и варились пища в русской печи (которая иногда отделялась занавеской или дощатой переборкой), происходили трапезы и т. д. Обстановка прихожки очень проста: стол, залавок, табуреты, лавки, вешалка, настенный, а иногда и напольный шкаф и кровать.

Печи в Прииссыккулье очень разнообразны. Наряду с печами обычного общерусского типа зафиксировано большое число печей с подтопками, печей с лежанками (*загнетками*) для спанья, под которыми иногда устраивалась и *подзагнетка*. Подтопки чаще всего непосредственно примыкали к печи, параллельно ей, но ближе к двери и имели особую топку с поддувалом и 2—3 конфорки и хотя имели общий с печью дымоход, снабжались отдельными вышуками. Особую форму печей составляют *духовые*. Эти печи помимо ма-

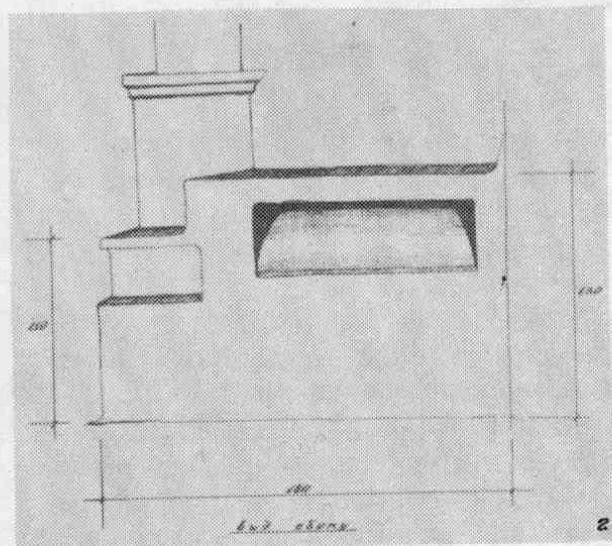
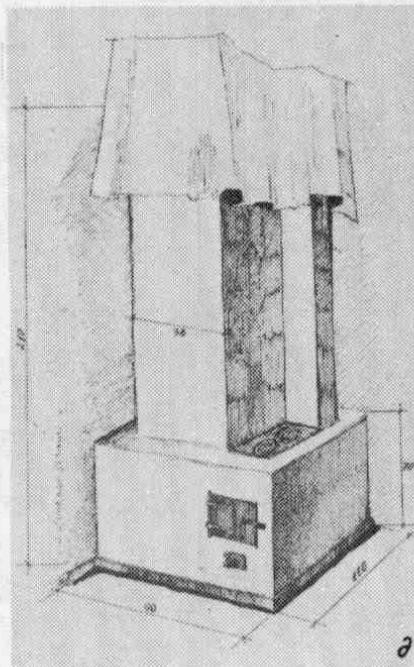
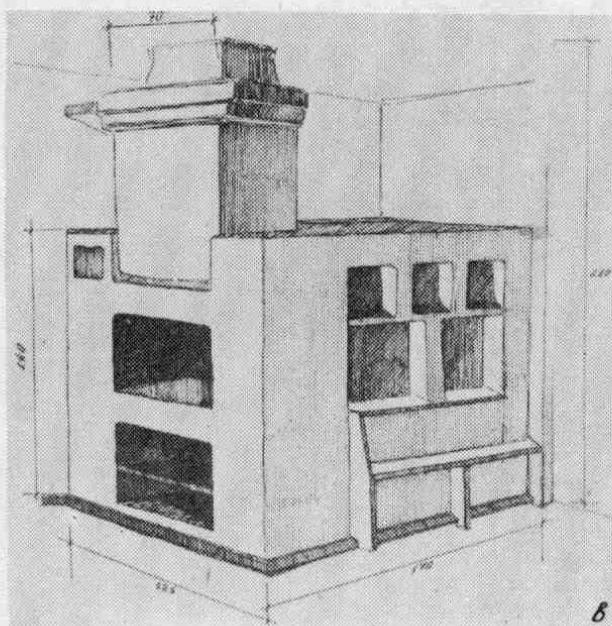
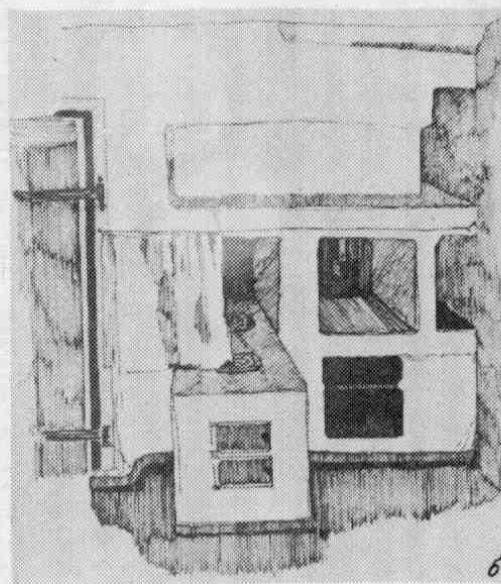
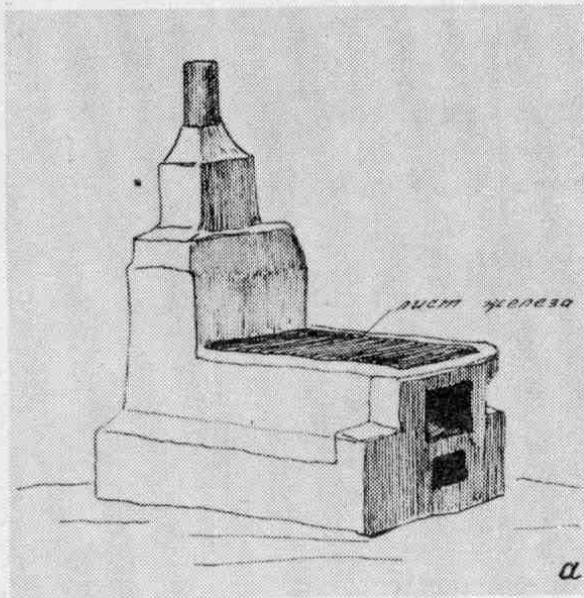

Рис. 5. Виды печей.

a — летняя печь (МАЭ, И-2142-103). С. Покровского р-на, Советская ул.; *б, в* — варистые печи: *б* — МАЭ, И-2142-37, *в* — МАЭ, И-2142-38. С. Ананьево Ананьевского р-на; *г* — груба (МАЭ, И-2142-40). С. Теплоключенка Покровского р-на; *д* — печь с духовой нишней, вид сбоку (МАЭ, И-2142-35). С. Покровка Покровского р-на.

леньких печурок — ниш для мелочей — имеют крупные ниши (иногда с полу-сферической внутренней стенкой), предназначенные для большей теплоотдачи (рис. 5).

Из прихожки в горницу вели двухстворчатые филенчатой работы двери. Обстановка ее значительно наряднее, а функциональное назначение — гостиная и спальня. Если семья небольшая (что наиболееично), здесь noctуют все члены семьи, если большая — только девушки. Отапливается она голландкой — высокой прямоугольной печью, часто имеющей рельефные украшения. Типичный набор мебели — кровати, платяной шкаф, сундук (*ящик*), икона или зеркало (размещенное по диагонали от печи) и небольшой столик. Мебель местной кустарной работы. Стилистические особенности ее (так, например, отделка спинок деревянных кроватей, шкафов, рамы зеркала) в какой-то мере можно соотнести со стилем барокко. Наиболее распространенным элементом декора являются валютовидные завитки и различной формы фестоны. Изредка встречаются предметы, детали которых (ножки, балясины) выполнены в токарной технике. Скамееки, табуретки, детскую мебель (люльки, ходилки) родители обычно изготавливают сами. В декоре горницы большую роль играют ткани и вышивки: полы выстилаются пестрыми домоткаными половиками, сундуки накрывают *сундучниками*, окна, выходящие на улицу, занавешиваются белыми занавесками с вышивкой в технике ришелье, кровати накрываются фабричными пикейными одеялами и горкой подушек в наволочках, вышитых простым или болгарским крестом. Особенно тщательно украшается красный угол. Зеркало обрамляется вышитым полотенцем, букетами сухих цветов, блестящими елочными игрушками. Здесь же иногда подвешиваются и *люстрочки* из соломы с вмонтированными в них цветными и блестящими деталями.

Непременным элементом интерьера являются пестрые с цветочным узором ткани. Используются они прежде всего для занавесок. Скатерти и полотенца чаще всего делаются из полотна, украшенного вышивкой и самодельным кружевом. Особое внимание хозяйки уделяют полотенцам для красного угла и для обрамления зеркала. Набор мотивов вышивки невелик: так называемая броккаровская роза, выюнок (также с розетками) и композиции, в центре которых помещена геометризированная древовидная фигура, а по бокам взаимообращенные птицы или животные (голуби, петухи, зайцы). Любопытно отметить, что растительный мотив (в частности, мотив выюнка в его украинском варианте) пришелся по вкусу местным киргизским вышивальщицам, которые вводят его в декор традиционного предмета своего интерьера (занавески для одежды — *киим жабыч*).

Кроме вышивки для украшения мягких предметов интерьера (скатерти, подзоры) использовались вставки, выполненные узорным ткачеством на трех и более дощечках. Тканье осуществлялось на горизонтальном ткацком стане без пряжного навоя, наиболее распространенного прежде в Рязанской губ.¹¹ Этот же вид декора, употребляемый исключительно на белых тканях, использовался и для женской похоронной (*смертной*) одежды. В комплект ее входила белая нательная рубашка (*пелеринка*), широкая юбка, распашная кофта — *голошейка* (рис. 6); нижний край их, так же как и *самшурки*, обрамлялся тесьмой, тканой на дощечках.

По литературным источникам, одежда восточнославянского населения Средней Азии в дореволюционное время отличалась крайним разнообразием: «Тут и малороссийская плахта с „немецкою“ кофточкой; и хохлацкие шаровары „шире Черного моря“, и едва ли не рейтезы в обтяжку, рубахи, поддевки, сарафаны, картузы и барабаны шапки».¹² По опросным данным, это разнообразие, однако, вскоре отошло в область предания. Только древние старики

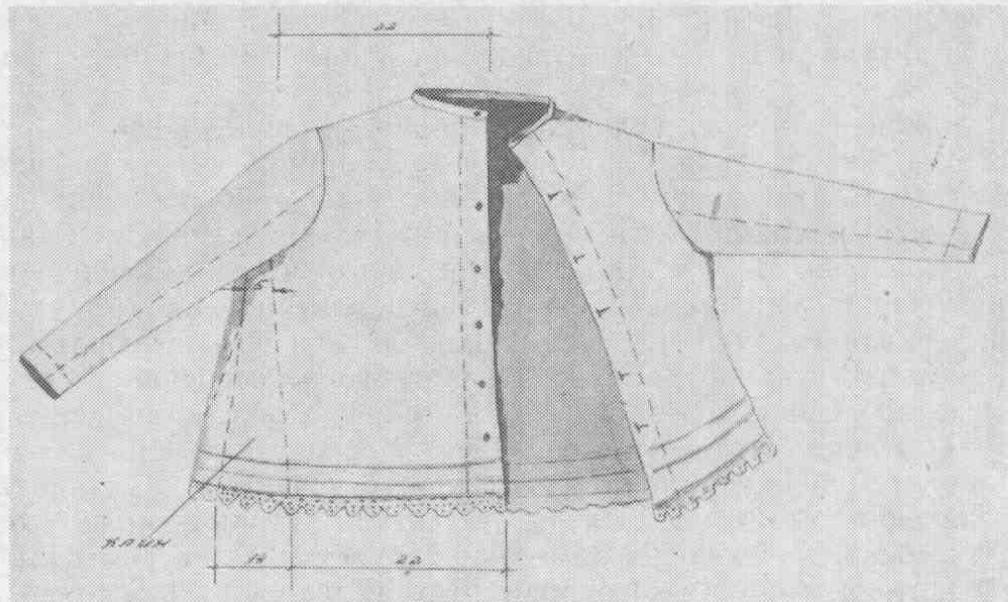

Рис. 6. Женская смертная одежда.
Кофта из миткаля (МАЭ, И-2142-75). С. Ананьево.

и старухи (а там немало в 1950-е гг. можно было найти жителей 80—90-летнего возраста) вспоминали об этом как о курьезе, связанном с новоселами, которые приезжали в «чудных» костюмах, но под влиянием насмешек спешили перенять общепринятую манеру одеваться. В начале века, судя по сохранившимся у населения фотографиям, в основе ее был русский народный костюм. Будничную одежду женщины, вплоть до Великой Октябрьской революции, составляла длинная рубашка и юбка из домотканого, чаще не окрашенного, реже — набивного полотна. Рубашки делались сшивные, чаще всего с *пелеринками* (кокетками), с вышивкой вокруг ворота. В богатых семьях в предреволюционные годы рукава, пелеринка и стан часто делались ситцевыми, нижняя же часть, называемая *подставкой* или *подточкой*, оставалась холщовой. Поверх рубашки надевалась широкая, в 4—5 полотнищ юбка, зимой из домотканой шерстяной ткани, летом — из ситца. Домотканые шерстяные ткани для замужних женщин принято было делать в клетку, девушки же (надевавшие юбку с 12 лет, а до этого ходившие просто в рубашках) носили юбки из *двулечки*, основа которой была чаще всего черного, а тканье — красного цвета.

Головным убором девушки являлся платок, замужней женщины — *шлычка* (рис. 7), надеваемая торжественно, после венчания. Молодую загораживали шалью, которую держали за уголки *дружка* и *поддружка*. Сваха разделяла косу (девушки носили всегда одну косу под зачес, пробор делать считалось зазорным), заплетала две косы, выкладывала их *венцом* на голове и повязывала шлычку. При выходе на улицу поверх шлычки повязывался платок. Шлычку можно и сейчас встретить на головах старух, только чаще уже не белого цвета с вышивкой и оборками или алого атласа и бархата, как того требовала мода конца прошлого—начала настоящего века, а разноцветную ситцевую. По покрою шлычка является модернизированной сорокой южнорусского типа. Вторым сшивным женским головным убором были *самшурки*. Они имели несравненно меньшее распространение, и то лишь у позднейших переселенцев с Алтая и из Сибири. Платок — универсальный женский и девичий головной убор — широко бытовал и в 1950-е гг. Не только

Рис. 7. Женщина в шлычке (МАЭ, И-1757-34).

на улице, но и дома редко можно было видеть женщин и девушек с непокрытой головой. Это считалось зазорным, не говоря уже о том, что во время нашей поездки мы не встретили ни одной стриженою женщины. Правда, традиционные прически уже не соблюдались. Девушки часто причесывались на две косы и закалывали их различными способами: *короной*, *кукушечкой* — улиткообразным узлом на затылке и др.

Возвращаясь к будничной одежде начала столетия, добавим, что непременной принадлежностью женского костюма был фартук, а для особо грязной работы и для жнивья — запон.

Праздничной одеждой служили юбки и кофты из покупной ткани, начиная от белого миткаля, украшенного обычно вышивкой, до шерсти и шелка — смотря по достатку. Кофты часто имели кокетку, отделанную кружевом и рюшкой (рис. 8, 1), шились расклешенные или в талию. Носили их навыпуск, но обязательно подпоясывали фартуком или поясом (тканым или плетеным). Праздничные фартуки девушки вышивали крестом, женщины чаще украшали кружевом. Юбки плотно облегали бедра, а внизу украшались широким воланом (рис. 8, 2). Чулки вязались из конопляных или шерстяных ниток — *самовязки* (рис. 9). Будничная обувь *калиголки* или *чуныки* или *чирки* (от киргизского *чарычки*) из сыромятной или выделанной кожи, в праздники — ботинки на резинках, позже на шнуровке. Верхняя одежда рабочего типа делалась из домотканого сукна: *теплушка* — жилетки

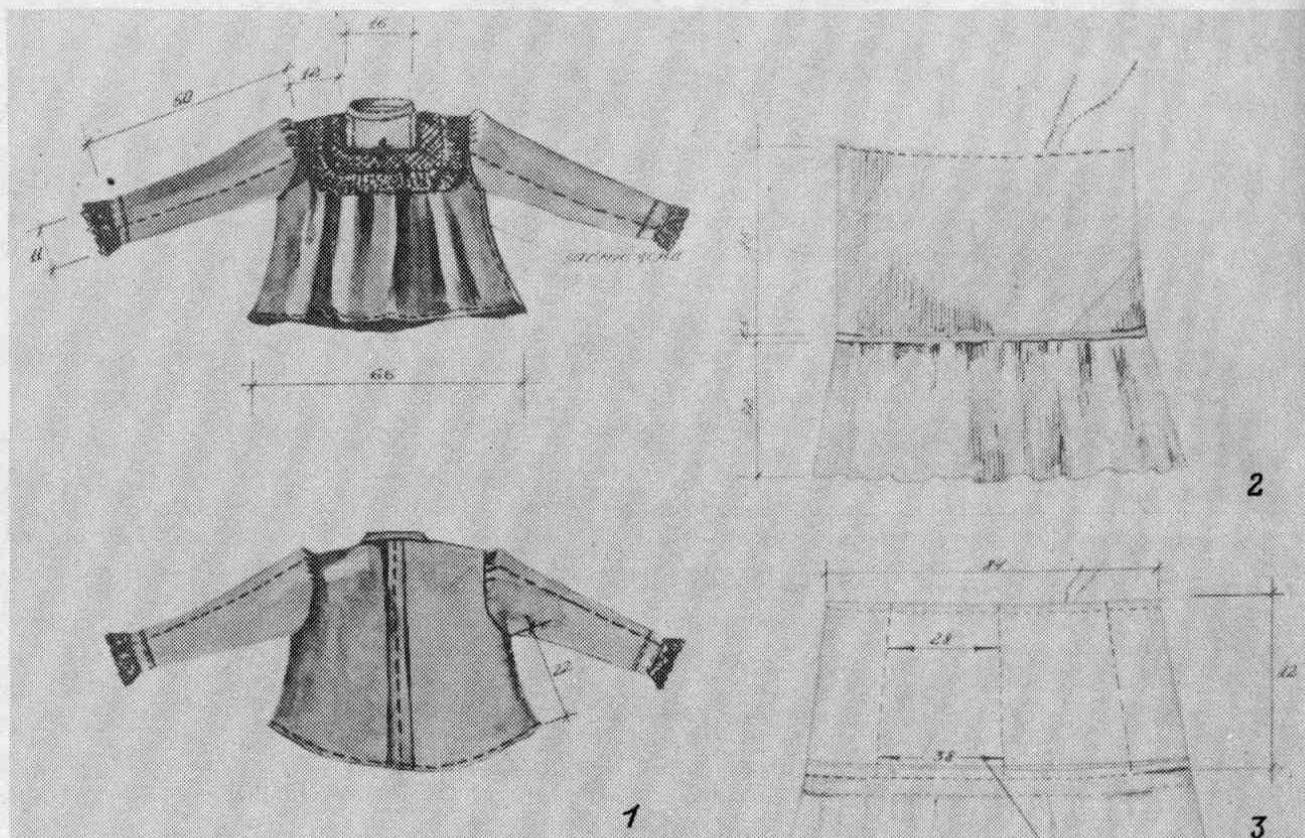

Рис. 8. Женская праздничная одежда начала века (МАЭ, И-2142-70/74).
1 — женская кофта (вид спереди и сзади); 2 — женская юбка из маты; 3 — крой праздничной юбки.
С. Ананьево Ананьевского р-на.

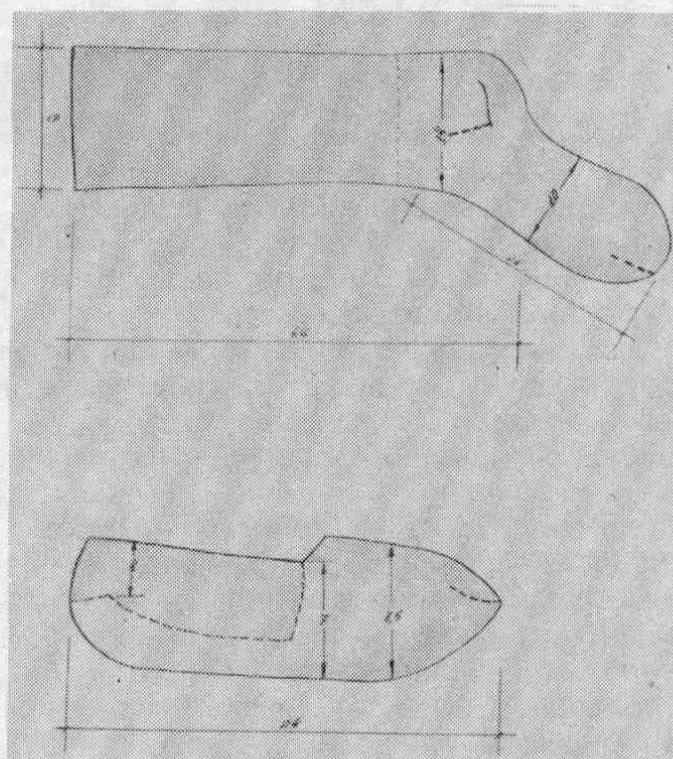

Рис. 9. Чулок (1) и калиголки (2), связанные из конопляных нитей.
1 — МАЭ, И-2142-78; 2 — МАЭ, И-2142-80. С. Ананьево Ананьевского р-на.

в талию носили главным образом старухи; *карсетки* — короткие жакеты — девушки и женщины. Праздничные пальто и полупальто, стеганные на вате, *сачки, казачки* делались из покупной ткани.

В дальнюю дорогу надевали *стеженные* или овчинные тулуны и валенки.

К моменту обследования повседневную женскую одежду чаще всего составляли кофта и юбка: у старшего поколения — традиционная *парочка* на выпуск из пестрых ситцевых тканей, у молодежи — юбки на кокетках с широкими помочами и кофты, заправленные под пояс. Головным убором служил платок из ситца или шерсти в зависимости от сезона, подвязанный под подбородком. Белье, обувь, верхняя одежда, как правило, покупные. Исключение составляли рабочие формы — *пальтушки, куфайки* — стеганые или суконные куртки длиною до бедер, изготавливаемые домашними или местными портняхами. Детская одежда — полностью фабричная, начиная от трикотажа для грудных детей и кончая школьной формой.

Мужская одежда в будни, по воспоминаниям и фотоматериалам, также делалась из неокрашенного полотна. Мужчины ходили в косоворотках (*головешайках* или с очень низким стоячим воротником) навыпуск, подпоясанных узким домотканым поясом, поверх которых в летнее время надевали безрукавки (вырезанные по шейке), доходившие до талии, благодаря чему подол рубашки и пояс сантиметров на десять были видны. Штаны темных тонов, средней ширины, заправлялись в высокие сапоги с гармошкой у лодыжек. Во время уборки снопов надевали кожаные штаны — *чамбары*, имевшие также брючный покрой. По мнению самих же переселенцев, эта одежда была заимствована ими от киргизов, хотя киргизские штаны (*жаргак шым*) имеют несколько иной покрой и носятся с гашником.

В праздничные дни мужчины надевали пиджаки из покупной ткани — *летники*, а кулацкие сынки — костюмы-тройки городского типа и лакированные сапоги.

Мужская верхняя будничная одежда шилась также из домотканого сукна или черного сатина на вате: *пальтушки* длиною до колен, имевшие прямой покрой; *сачки*, которые носили как мужчины, так и женщины, — в талию; халаты, покрой и техника изготовления которых несомненно заимствованы у местных киргизов. В дорогу надевали *зипуны* колоколообразного края с широким воротником шалью, заменявшим капюшон; в морозы — дубленые овчинные полушубки и тулуны. Верхняя одежда подпоясывалась широким поясом — чаще всего куском кумача или синей ткани, которую несколько раз обивали вокруг талии.

Головными уборами служили войлочные колпаки (в форме усеченного конуса), фуражки из черной ткани с лакированным козырьком, а зимой — низкие круглые шапки-ушанки.

К 1950-м гг. продолжала бытовать лишь традиционная мужская верхняя одежда. Что касается летней и нательной, то она полностью была вытеснена фабричными изделиями. Лишь праздничные рубашки-косоворотки с полихромной традиционной вышивкой по вороту и на обшлагах еще имели широкое распространение.

Костюм жителя казачьих станиц этого региона отличался от крестьянского в сторону зажиточности. Казачки не ткали и не носили домотканины, не носили они и фартуков. Отличался костюм немного и по покрою. Так, например, юбка делалась значительно уже (не четыре, а два с половиной полотнища), а кофточки — короче и по фигуре, на ногах вместо сапог были ботинки или даже туфли. Казака же можно было отличить по костюму из покупной ткани, рубашке с прямым воротом и высокой папахе из кур-

печка (в то время как крестьяне носили картузы и низкие круглые меховые шапки).

Термин *курпечек* заимствован переселенцами у местного населения так же, как и ряд других терминов, связанных с животноводством и продуктами его, как, например, *чарак* — обувь типа поршней, *чамбары*, *кошемы* — закрытые туфли из кошмы, *арканчик* — ремешок и др.

Широко применяются в быту также термины, связанные с поливным земледелием, — *арык*, *яб*, *джаб*, *бек-яб*, *салма*, *кетмень*, *чихирь*; с местным растительным миром — *дерханак*, *джида*, *тал* (ива), *куга* (камыш), *янтак* (верблюжья колючка) и др. Большинство уроженцев Киргизии свободно владело киргизским языком, из старого же поколения, приехавшего сюда в детском возрасте, лучше владели языком мужчины, в то время как женщины, меньше сталкивавшиеся из-за замкнутого характера своего быта с местным населением, знали лишь наиболее ходовые слова, связанные с хозяйством и рынком.

Отметив значительный процент тюркских заимствований в словарном запасе восточнославянского населения Иссык-Кульской обл., необходимо также сказать несколько слов и об особенностях самого говора переселенцев. Лингвисты Фрунзенского университета, произведя обследование этого говора, пришли к выводу, что по своим фонетическим и морфологическим особенностям он представляет собой типичный южнорусский говор курско-воронежского типа, который в результате контактов с переселенцами из других русских и украинских губерний приобрел некоторые местные особенности.¹³

Заимствуя ряд элементов духовной (словарный состав языка) и материальной культуры (техника поливного земледелия, изделия из кожи, орнамент) у местного киргизского населения, переселенцы в свою очередь оказывали на него значительное влияние. Они ввели в край ряд новых отраслей хозяйства (товарное пчеловодство и рыболовство, огородничество), улучшили продуктивность и техническое оснащение старых отраслей (земледелие, садоводство, рыболовство). Под влиянием русской культуры кочевавшие в недавнем прошлом киргизы переходят к оседлому образу жизни, заимствовав от русских ряд элементов материальной культуры, в частности жилище, причем заимствуется не только форма, но и декор.

Подводя итог описанным и хранящимся в фондах МАЭ полевым и иллюстративным материалам, можно сделать вывод, что восточнославянское старожильческое население Прииссыккулья по своим этнографическим особенностям относится к южнорусской группе восточных славян. В пользу этого утверждения говорит (как мы стремились показать по ходу изложения материала) их хозяйственная деятельность, материальная культура, топонимика и язык. Вместе с тем, обитая в течение ряда десятилетий бок о бок с переселенцами из Украины и коренным населением края — киргизами, эта группа русского населения приобрела ряд своеобразных особенностей и в свою очередь оказала значительное влияние на соседствующие с ней народы.

¹ Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; Могилянская С. Н., Бежкович А. С. Украинцы — переселенцы Семипалатинской губернии. Л., 1920; Бломквист Е. Э. Этнографическая работа среди уральцев // КСИЭ. 1947. Вып. 3.

² Станюкович Т. В. 1) Русское, украинское и белорусское население Средней Азии и Казахстана // Народы мира: Средняя Азия. М., 1963. Т. 2. С. 622—699; 2) Поселение и жилище русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1902. С. 220—275; 3) Де-

коративное убранство жилища восточнославянского населения Казахстана // Сб. МАЭ. 1970. Т. 26. С. 220—235; 4) Деякі підсумки дослідження східнослов'янського населення цілинних земель Казахстану // Народна творчість та етнографія. Київ, 1961, № 4. С. 36—41.

³ Половцев А. А. Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел, командированного в 1896—1897 гг. для сбора сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. Спб., 1898; Пространство и население Туркестанского генерал-губернаторства, кроме Семиречья и Закаспийской области // Вопр. колонизации. 1910. № 7; Пален К. К. Переселенческое дело в Туркестане. Спб., 1910; Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае. Спб., 1911; Шарова П. Н. История колонизации Средней Азии // Ист. зап. 1940. № 4.

Справочная книжка по Семиреченскому переселенческому району в 1912—1913 гг. Спб., 1912, 1913; Северцев Н. О русских переселенцах к югу и западу от Иссык-Куля // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Спб., 1876. Вып. 4; Румянцев П. П. Русское старожилое население Лепсинского, Вернского и Пржевальского уездов // Материалы по обследованию туземного и русского старожилого хозяйства в Семиреченской области. Пг., 1915, и др.

⁵ Иллюстративный фонд Восточнославянского сектора ЛОИЭ. № 1757, И-2142-1—102 (Материалы Иссык-Кульского отряда Среднеазиатской экспедиции. Рук. Т. В. Станюкович; Худ. Н. Л. Лейкум).

⁶ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 158.

⁷ Украинцы — переселенцы Семипалатинской губернии. Л., 1930. С. 192.

⁸ Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. С. 224 и др.

⁹ Атлас «Русские». М., 1970. Т. 2. С. 84—85.

¹⁰ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. С. 64.

¹¹ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 517.

¹² Вощинин В. П. Очерки нового Туркестана. Спб., 1914. С. 43.

¹³ Коротченко Г. И. Говор русских старожилов Иссык-Кульской области: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Фрунзе, 1953.